

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ КАК СТРОГАЯ НАУКА

А.П. Забияко

Лаборатория археологии и антропологии Амурского государственного университета. 675027, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Студенческая, 20.

В статье доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой религиоведения и истории, заведующего лабораторией археологии и антропологии Амурского государственного университета, профессора департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, главного редактора журнала «Религиоведение» Андрея Павловича Забияко подняты и обсуждаются основные вопросы и проблемы современного религиоведения как науки. По его мнению, религиоведение возникло уже более ста лет назад, но до сих пор не завершён процесс обособления его от других типов научного и ненаучного знания, поэтому необходима чёткая демаркация границ религиоведения как науки и границ других типов научного и ненаучного знания. В первую очередь эти границы должны быть проведены по полям соприкосновения религиоведения с философией и теологией. Такая демаркация границ – залог успешного взаимодействия разных типов знания. Развитие религиоведения обусловлено в первую очередь прогрессом гуманитарных и естественных наук. С начала XXI в. особое значение для науки о религии имеют новейшие открытия в области антропогенеза и культурогенеза. Огромные успехи археологии и антропологии привели фактически к научной революции в понимании проблем происхождения и эволюции человечества, его культуры, религии. Религиоведение – наука, которая включает в себе, с одной стороны, уровень знаний фундаментального типа, с другой стороны, уровень прикладных знаний. Религия теснейшим образом вплетена в окружающую реальность социальной, политической, этнической жизни. Поэтому одна из важнейших проблем религиоведения как строгой науки – проблема экспертизы. Процедура исследования полученных на экспертизу материалов, методы интерпретации эмпирических данных, выводы должны строиться в экспертном сообществе на единой, строго научной основе. Развивая фундаментальные и прикладные составляющие, религиоведение утверждает себя не только как строгая, но и как нужная наука.

Ключевые слова: Религиоведение, история, археология, антропология, теоретическое (фундаментальное) религиоведение, прикладное религиоведение, религиоведческая экспертиза

При обсуждении перспектив современного религиоведения важными представляются две темы. Одна связана с пониманием статуса той системы знаний, которая называется религиоведением. При всей сложности общей системы знаний, очевидно главное – существуют типы научного и ненаучного знания. Чем они в своей сущности отличаются, какие есть маргинальные варианты этих типов, какие квазиформы возникают при взаимодействии научного и ненаучного знания – об этом очень много написано и, в принципе, хорошо известно. Известна также специфика философии как типа знания, которая не позволяет философии быть в точном значении слова наукой. И это очень важно для философии – быть особой системой, не совпадающей ни с одной из частных наук и не превращающейся в классическую науку, которая должна соответствовать стандартным требованиям эпистемологии.

К какому из типов знания относится религиоведение? Казалось бы, простой вопрос. Ведь мы же не обсуждаем, к какому типу знаний относится, например, литературоведение. Самоочевидно, что литературоведение – наука. По поводу религиоведения такой очевидной ясности ни на уровне формального статуса, ни в образовательной составляющей, ни на уровне самоидентификации представителей этого типа знаний нет. Кто-то думает, что религиоведение – вид философского знания, кто-то – что это аналог теологии, с которой религиоведение находится в отношениях взаимопревращения, а кто-то считает, что религиоведение – это систематизация знаний конфессии по поводу собственного состояния и состояния других конфессий, то есть вариант конфессиональных, религиозных знаний. Моё убеждение заключается в том, что религиоведение относится к типу научного знания и представляет собой одну из частных наук. Религиоведение должно чётко осознавать себя как систему научных знаний, так же, как это делает антропология, археология и вообще любая система гуманитарного знания такого рода.

Вторая тема – это прикладная, экспертная сторона религиоведения. Состояние и развитие этой стороны религиоведения невозможно без последовательного решения проблемы статуса религиоведения. Таким образом, принципиальным является именно вопрос о религиоведении как о точной или строгой науке. Религиоведение как наука, то есть как система позитивного знания, появилось в середине XIX в. Не позднее социологии, современной антропологии, современной – именно современной – филологии и других наук. Однако границы той системы знаний, которая называется религиоведением, как и её статус, до сих пор не вполне определены. Последнее характерно не только для нашей страны, но отчасти и в целом для всей традиции мирового религиоведения.

В чём причины и суть разномыслия в российской среде по поводу религиоведения? В России в силу известных причин религиоведение стало восстанавливать свою самостоятельность и обретать современные очертания только в начале 1990-х гг. При этом оно оказалось записано по ведомству философии. В значительной степени это явилось следствием традиции, которая существовала на протяжении предшествующих 70-ти лет: на позицию средоточия религиоведческих знаний претендовали кафедры научного атеизма, истории и теории религии, «встроенные» в структуру философского образования. Нет никаких сомнений, что «научный атеизм» или «история и теория религии и атеизма» – эти системы знаний были, если заключить в скобки их идеологическую нагруженность, в значительной степени философскими.

К науке как науке они имели отдалённое отношение (если понимать науку с точки зрения основных характеристик, которые применимы к истории, археологии, этнографии, антропологии, филологии и т.д.). Сложившийся подход по инерции продолжает существовать и последние почти 30 лет. Наверное, 30 лет назад иного варианта восстановления религиоведения действительно не было. Для постсоветских исследователей рели-

гии специализация в организационных рамках имевшихся философских структур была наиболее приемлемым путём начального этапа саморазвития. Но с тех пор прошло много времени, на протяжении которого сложившиеся вынужденные обстоятельства не стали предметом глубокой коллективной рефлексии.

Почему, в сущности, религиоведение – часть философии? Почему религиоведение не может быть самостоятельной системой знаний? Ведь, например, филология может быть самостоятельной системой знаний, у неё есть свой предмет, объект, границы, методы и так далее. Никто не спорит, что филология является наукой со своим особым пространством. Она обособлена от других наук. И это никого не удивляет. Есть особая область культуры – язык и литература и, соответственно, изучает язык и литературу филология как отдельная система знаний. Она так или иначе отграничена от других наук. Условно – но отграничена – от философии, от искусствоведения, от истории и т.д. Религиоведение, несмотря на то, что у этой дисциплины есть свой чётко обозначенный (не менее, чем у филологии) объект исследования – религия, тем не менее, оказывается почему-то частью философии.

Хотя в задачи философии не входит систематическое изучение религии, как не входит и систематическое изучение литературы, языка, истории, политики или других явлений окружающего мира. Понятно, что философия всё охватывает своим вниманием. Многие из нас помнят время, когда на философских факультетах по ведомству философии проходили социология, политология – теперь это уже давно и прочно обособившиеся науки. А религиоведение до сих пор не эмансипировалось. Между тем у философии как особой системы знаний свои объекты, методы, которые далеко не совпадают с тем, что реально существует в религиоведении. И это проблема, которую мы в рамках нашей российской традиции никак не можем до конца осмыслить, никак не можем преодолеть. И это несмотря на то, что она тормозит развитие религиоведения.

Можно было бы понять эту слабую степень эмансипированности религиоведения, если бы она была следствием родовых уз. Но религиоведение не начиналось как философия. Оно формируется в XIX в. вместе с антропологией как изучение обрядов и верований, вместе с филологией как изучение языка, мифологии, фольклора, религиозных письменных текстов, вместе с психологией как исследование религиозно мотивированных психических состояний, вместе с социологией как изучение особых социальных институтов и типов социальной деятельности. Дифференциация этого нового комплекса гуманитарных знаний в направлении исследования религии достаточно быстро начинает обособливаться в отдельную науку – религиоведение.

И было бы странно, если бы дисциплина, которая возникает в процессе антропологических, филологических, психологических, социологических исследований, вдруг потом естественным путём стала бы философией. На Западе она так никогда и не стала философией. Эта дисциплина как двигалась в своём развитии вместе с антропологией, филологией, психологией, социологией и историей, так и продолжает развиваться в этом контексте. Примечательно, что феноменология религии – это не феноменология как часть философского дискурса. Это собственно религиоведческая отрасль знаний.

Понятно, что в нашем изложении приходится отчасти упрощать и схематизировать сложную реальность междисциплинарных связей, но это неизбежно, если мы хотим понять религиоведение как идеальный объект. Вокруг этого, кстати, и на Западе велись и ведутся споры. Ясно, что дисциплина, которая изучает религию, испытывала давление со стороны религий, теологии, и естественным образом многие исследователи, которые изучали религию, будучи верующими, а то и главами своих конфессий, как например, Натан Зёдерблом, лютеранин, архиепископ Церкви Швеции, пытались привнести в эту систему знаний

религиозно-философские или теологические начала.

Поэтому на протяжении развития западного религиоведения для него было важно идейно-теоретическое разграничение с теологией, вероучениями, религиозной ментальностью. Для тех профессионалов, которые держались научных позиций, это всегда было одной из задач процесса исследования. В реальной практике такое разграничение получалось, конечно, далеко не всегда. Но вопрос разграничения с философией остро не стоял. Философия – это философия. И даже философия религий – это философия, то есть свойственный философии способ изучения религий, философское исследование религии. А религиоведение – это религиоведение. То, что проблемные поля этих двух способов познания религии пересекаются, не означает, что религиоведение – часть философского знания.

В России религиоведение тоже начиналось не с философии и богословия, не с тех тенденций, что возникали и развивали в контексте академической философии, церковной или религиозно-философской мысли. Чтобы это увидеть, достаточно почитать специальную литературу. В течении многих последних лет наши коллеги из СПбГУ под руководством М.М. Шахнович в своих публикациях, в которых они исследуют или переиздают труды учёных конца XIX – начала XX вв., убедительно показывают, что российское религиоведение возникает не из философских или богословских источников, а из тех же, что и на Западе – из антропологии, фольклористики, языкознания, истории.

Хорошо об этом написано в последней книге этого коллектива¹. Когда мы только начинали восстанавливать историю нашей науки, в 2001-м году в редакционной статье к первому номеру

журнала «Религиоведение», а чуть позже в статьях энциклопедического словаря «Религиоведение»² мне доводилось писать об этих корнях российской науки о религии. Известно, что её судьба в нашей стране по понятным причинам сложилась в советское время драматично. А в постсоветское время, в начале своего возрождения, эта наука, не получив самостоятельного статуса, было подвёрстана под философию.

Чем дальше, тем более эта ситуация становится обременительной для дальнейшего развития. В нашем обществе знания о религии в течение последних тридцати лет были очень востребованы, в этих условиях достаточно быстро сложился из перепрофилировавшихся философов, из историков, филологов, представителей других гуманитарных наук вполне квалифицированный состав исследователей религии. Умение быстро учиться, усваивать российский и зарубежный опыт, трудолюбие и целеустремленность позволили многим из этих исследователей достичь высоких личных результатов, вполне сопоставимых с мировым уровнем религиоведения. Но у этих учёных нет, образно говоря, нормального дома, куда они могли бы заселиться:

- философская крыша этого дома открыта беспредельному звёздному небу;
- стены дома (границы науки) не зафиксированы;
- окна и двери (профессиональные стандарты) распахнуты настежь;
- заходи, кто хочет, приноси, что хочешь, делай, как хочешь.

Например, литературовед, специалист по Достоевскому, от изучения творчества этого писателя переходит к систематическому изложению сущности религии:

- разбирает дефиниции религии;

¹ История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования / Отв. ред. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 520 с.

² Забияко А.П. Религиоведение в России // Религиоведение. Энциклопед. словарь. Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академ. проект, 2006. – С. 859–861.

– классифицирует их на «истинные» и «неистинные», «естественные» и «откровения».

То есть, он делает всё так, как ещё 150 лет назад Ф.М. Мюллер считал неправильным: публикует учебное пособие по курсу «Религия, культура, искусство», где всё это изложено дилетантски с точки зрения научности и тенденциозно с точки зрения вероучительных предпочтений. Почему бы нет? Ведь религиоведение – это не специализированная отрасль знаний, где действуют критерии истинного и неистинного, где есть достигнутый и закреплённый в авторитетных публикациях уровень теории, на который необходимо ориентироваться, чтобы не прослыть невеждой. Это открытое пространство вольных высказываний о религии, вид самомышления, саморефлексии. Трудно представить такую ситуацию, например, в юриспруденции. А между тем, религиоведение деятельно участвует не только в теоретическом изучении религии, но и в правоприменительной практике, определяя судьбы отдельных людей и социальных групп.

В обстановке отсутствия чёткого понимания, что религиоведение – это наука, в религиоведческом сообществе возникают очень спорные идеи. Некоторые специалисты, воспринимая религиоведение как философский тип знания, считают, что существует конфессиональное (православное, католическое и т.п.) религиоведение. Разумеется, есть религиозная философия, но религиозного религиоведения быть не может. Как не может быть религиозной науки или научной религии.

Тут или одно, или другое, если мы строго используем термины и понимаем суть различий между наукой и религией. Как говорил в одном из интервью Жорес Иванович Алфёров, «научных оснований у религии нет». Даже в рационализированной форме вероучения – в форме теологии – религия не может быть наукой. Конечно, постмодернизм, возродивший старый принцип «всё во всём», поставил перед интеллектуалами много эвристических задач, побудил к творческому переосмыслению границ науки и религии.

Масла в огонь современных дискуссий подлила сомнительная идея наступления новой эпохи – эпохи постсекулярного мира.

Поэтому иногда, например, высказываются мысли о возможности существования, наряду с научной социологией, ещё одной науки – христианской социологии, ссылаясь на то, что в постсекулярном мире такое возможно. На мой взгляд, в случае с христианской социологией речь идёт не о науке в собственном смысле этого слова, а о религиозной (например, протестантской) социальной философии или теологии, иначе говоря, о рационалистически выстроенном религиозном теоретизировании, оперирующим социологическими методами. В российском литературоведении уже с 1990-х гг. продолжается жёсткая полемика, возникшая по поводу необходимости «религиозной филологии», «православного литературоведения», в качестве антиподов которой якобы существует «атеистическая филология». Аргументация сторонников «религиозной филологии» опирается в первую очередь на мысль о большом влиянии христианства, православия на русскую литературу, что, соответственно, предполагает наличие православного литературоведения, без которого невозможно понять православную составляющую литературы.

Ясно, что роль православия в русской литературе велика. Не ясно, зачем к термину *литературоведение* прикреплять прилагательное *православная*. По этой логике внутри науки о литературе нужно дополнительно выделить религиозно обусловленные типы исследований и определить их религиозно в соответствии с ролью религий. Если нужно в России православное литературоведение, тогда и без тенгрианского литературоведения не обойтись, учитывая роль тенгрианства в культуре тюркских народов. Понятно, что сторонники религиозной филологии не ограничивались идеей влияния религии, речь явно или неявно шла и об изменениях в аксиоматике, эпистемологии литературоведческого исследования и о других серьёзных вещах.

Полемика литературоведов ожидаемо не привела к сколько-нибудь конструктивному результату в плане обособления особого научного направления. Не думаю, что даже в постмодернистском и постсекулярном мире сущность науки могла бы измениться настолько, что научная дисциплина, не утрачивая своих сущностных признаков, способна эволюционировать в состояние религиозного знания, а религиозное вероучение, оставаясь религиозным, превращаться в строгую научную систему. Разумеется, нет речи о том, что наука лучше религии или наоборот. Речь идёт о том, что это – разные типы знания. Они могут находиться в разных отношениях, лучше всего – в отношениях диалога и конструктивного сотрудничества, но беспрепятственно превращаться друг в друга не могут.

Впрочем, мы уходим в очень большую и сложную тему. В формате нашего разговора лучше, наверное, воспроизвести одну поучительную историю. Очень хороший физический антрополог, мой коллега и друг, рассказал мне о своих попытках соединить в недавнем прошлом научные исследования и православные убеждения. Работая на стыке физической антропологии и археологии, ему приходится много заниматься человеческими останками, полученными в ходе раскопок в старых русских городах, в церквях; среди этих останков есть и мощи. Руководствуясь наилучшими православными побуждениями, он серьёзно задумался о создании нового направления в антропологии – православного мощеведения, в котором физическая антропология совмещалась бы с православным учением о мощах. С этой идеей он пришёл за благословением к своему духовнику. Духовник, очевидно, умнейший человек, далёкий от постмодерна, строго посоветовал антропологу идти и заниматься дальше именно антропологией, не впадая в соблазн всё смешения. Показательный пример трезвости ума.

Итак, на мой взгляд, необходима чёткая демаркация границ религиоведения как науки и границ других типов научно-

го и ненаучного знания. В первую очередь эти границы должны быть проведены по полям соприкосновения религиоведения с философией и теологией, то есть там, где эти границы оказались в силу разных причин стёртыми почти до неразличения. Такая демаркация границ – залог успешного взаимодействия.

В этой связи возникает и вопрос, в каких отношениях взаимодействия могут находиться религиоведение и философия. Если мы понимаем религиоведение как науку, то нет нужды создавать какие-то особые отношения между этими типами знания. Здесь будут действовать те же самые закономерности, что действуют во взаимодействии философии с другими науками. В частности, философия имеет большое значение при определении горизонтов познания в рамках каждой из конкретных дисциплин. Философия также фактически вкладывает свои компоненты в базовые основания, в методологию каждой конкретной науки, она участвует в процессах междисциплинарного синтеза, определяет возможности интерпретаций эмпирических данных и т.д. Но при этом каждая наука создаёт свою теоретическую систему, которая, помимо философских «включений», имеет свою собственную методологию – физики, химии или географии. Эта методология не является частью философии. Философия в некоторых своих важных составляющих – логики, философии науки, других – выступает в качестве пропедевтики продуктивного рационального мышления.

Философия обладает огромным багажом конструктивного знания, важного для любой науки, обращая мышление учёных к предельным основаниям наук и предельным уровням теоретизирования. Интегрируя в себя предельные уровни теоретизирования и их результаты в разных науках, она тем и интересна для наук, что именно через философию науки начинают контактировать друг с другом, с теми уровнями теоретизирования, которые существуют в разных науках, но не всегда пересекаются. При посредстве философии возникает инте-

гральное поле взаимодействия различных научных дисциплин, происходит обмен идеями на высших уровнях теоретизирования и высших уровнях интерпретаций. На этом уровне биолог может понять филолога, физик – историка.

Например, созданная Э. Гуссерлем феноменология оказалось интересной и математикам, и физикам, и психологам, и лингвистам, а также, конечно, и религиоведам. В таком ракурсе философия занимает положение не царицы знаний, диктующей наукам некие высшие истины. Она выступает в качестве медиатора, посредника, который, вбирая в себя лучшие результаты в области научного теоретизирования и подвергая их рефлексии, эксплицируя общие смыслы и методы, позволяет наукам воспользоваться их же собственными достижениями и достижениями «соседей по цеху». Так при участии философии возникает общенаучный уровень знаний и способов мышления, общенаучная картина мира и взаимопонятный наукам язык. Таким образом, философия интегрирована в научную методологию. Всё сказанное об отношениях философии и науки имеет отношение и к религиоведению.

Сейчас религиоведение находится в активных отношениях и с другими науками. От самого возникновения религиоведение было тесно связано с комплексом классических гуманитарных наук – историей, археологией, антропологией, филологией, психологией, социологией. Эта связь в настоящее время только укрепляется. Возьмём один пример. В первые годы возрождения религиоведения в нашей стране в гуманитарных науках очень динамично развивалась филология. С.С. Аверинцев, Е.М. Мелетинский, В.В. Иванов и другие выдающиеся учёные получили доступ к широкой аудитории. Не только в переносном, но и в прямом смысле: на философском факультете МГУ они читали открытые лекции в переполненных аудиториях, люди сидели в проходах на ступеньках... Вышли из по-

луподполья труды Ю.М. Лотмана и всей московско-тартуской семиотической школы. Н.И. Толстой и другие представители этнолингвистики, фольклористики большими тиражами начали печатать результаты своих исследований в области славянских и неславянских древностей.

Филологи ввели в широкий оборот не только огромный собственно филологический материал, но и новые теоретические модели интерпретации языкового, устного и письменного, слоя культуры. Влияние идей филологов вышло за пределы филологического знания, многие их результаты были экстраполированы в эмпирические и теоретические основания других гуманитарных наук. Фактически в 1990-е гг. результаты филологических, в первую очередь лингвистических, исследований создали новую научную парадигму в российском гуманитарном знании. На религиоведение она повлияла очень существенно. Исследователи религии вновь серьёзно занялись языком религии, фольклорно-мифологическими основаниями, моделирующей ролью вербальных и акциональных, ритуальных, религиозных систем.

Так, моя докторская диссертация 1998 г. выполнена в значительной мере в рамках этой парадигмы. В настоящее время сложившаяся в религиоведении под влиянием лингвистической парадигмы традиция по-прежнему плодотворна, подтверждением чему служат, например, публикации Е.И. Аринина и его коллег. Как участник и отчасти инициатор этого процесса, могу сказать, что «лингвистический поворот» в российском религиоведении начался не с Витгенштейна, а с трудов российских и зарубежных лингвистов. Из зарубежных источников особую роль сыграла книга Э. Бенвениста³.

Но не только классические гуманитарные науки связаны с наукой о религии. Так, в последние полтора-два десятилетия в мировом и российском религиоведении динамично развивается интерес к когнитивистике – научному

³ Словарь индоевропейских социальных терминов (в русском издании). М.: Прогресс, 1995. 456 с.

направлению, возникшему на стыке гуманитарных и естественных дисциплин. Уже даже успело появиться когнитивное религиоведение. Следует, однако, отметить, что данная тема не нова для религиоведения. Порой когнитивное религиоведение понимают, упрощённо говоря, как ветвь нейропсихологии. Это отчасти верно лишь для современного этапа. Но уже в то время, когда формировались самые истоки религиоведения, проблемы религиозного сознания и познания, религиозного языка фундаментально были поставлены, например, Фр.М. Мюллером на Западе и А.М. Веселовским в России. К сожалению, Мюллер, двигаясь неверным маршрутом в русле теории «болезни языка», зашёл в тупик.

Но проблема была сформулирована перспективно – каким образом язык как смыслопорождающая система создаёт религию? Такая постановка проблемы религиогенеза восходила к В. Гумбольдту и его выдающейся концепции языка как порождающей мысль деятельности (он писал о языковой деятельности как «акте превращения мира в мысли») и идее «внутренней формы языка». Эмиль Бенвенист, о котором уже шла речь, свои замечательные результаты в деле изучения религии получил, работая в русле, близком когнитивной лингвистике.

Почти параллельно с лингвистами второй половины XIX в. некоторыми представителями психиатрии и психологии проблема религиогенеза была проработана на совершенно другой эмпирической базе, но, в сущности, в сходной постановке вопроса – каким образом психика как смыслопорождающая система создаёт религию? Базовая часть религиозной психической жизни была определена как то, что позднее стало называться изменёнными состояниями сознания. Чтобы в них войти и понять религиопорождающие механизмы сознания, З. Фрейд экспериментировал с кокаином, У. Джемс – с закисью азота (N₂O). Впоследствии как «двери восприятия» той реальности, которая будто бы творит религию в её исходных формах опыта галлюцинаторных состояний, ис-

пользовались мескалин, ЛСД, техники холотропного дыхания.

В последние годы проблемы когнитивных исследований были поставлены в новых ракурсах. Ряд исследователей предложили рассматривать религию как генетически закреплённый полезный психосоматический опыт адаптации человеческой популяции к внешним условиям существования. Этот опыт, действуя как интуиция, определяет модели поведения индивидов. Открытие нейронов, а затем при помощи электронных микроскопов, компьютерной томографии, МРТ, других современных технических средств разных видов нейронов – зеркальных и иных, которые кодируют человеческое поведение, а затем, возможно, генетически передаются от поколения к поколению, – всё это погрузило проблему религиогенеза в нейрофизиологию. Возникли новейшие идеи о том, что бог находится в нейронах, точнее говоря, что нейроны, хранящие опыт человеческой эволюции, и есть тот могучий регулятор человеческого поведения, который в истории представлен в образах божества. Есть другие вариации на тему когнитивного религиоведения.

В когнитивистике, когнитивном религиоведении обозначены контуры очень важных граней понимания религии. Однако нередко в СМИ современные когнитивные интерпретации, имеющие характер научных гипотез, получают значение сенсационного открытия, раскрывшего тайну природы религии. Это, конечно, большое преувеличение. В когнитивистике проблемы генезиса и сущности религии поставлены очень важные и очень ярко, но они не решены. И, очевидно, что теми путями, которыми их решает когнитивное религиоведение, их не решить. Например, проблема генезиса религии. Её не решить, объясняя возникновение религии из того, что бог прячется в психике, или, если говорить иначе, что есть некий орган в психике (например, специфическая совокупность нейронных связей), который порождает религию. В целом методологически неправомерно понимать возникновение и

бытие религии только либо как особый когнитивный процесс – это возвращает к гносеологизму, либо как трансляцию на уровне генетической наследственности особого когнитивного опыта адаптации биологического вида – это влечёт к новому натурализму.

Обратим внимание на ключевой аспект проблемы. Что именно когнитивистика ищет в психике под названием «религия»? Очевидно, что пока не будет определено, что такое религия, не ясно, что искать. При чтении многих публикаций, отражающих когнитивные трактовки религии, складывается впечатление, что их авторы не очень чётко эксплицируют предмет поиска или подменяют его, предлагая в качестве религии некие «когнитивные артефакты» – альтруизм, интуитивные этические установки, т.д. Действительно, вряд ли можно рассчитывать, что представители, например, эволюционной биологии или нейрофизиологии способны чётко вычлени из всего многообразия человеческого поведения то, что относится к религии, а затем объяснить это исчерпывающим образом. Это сложнейшая проблема – проблема дефиниции религии.

Важно, что и религиоведение, руководствуясь лишь своими прежними теориями религии, не может сразу дать адекватный ответ на те проблемы, которые ставит когнитивистика. Динамика когнитивных исследований требует от науки о религии вовлечения в новый эмпирический материал, разработки новых теоретических подходов к пониманию религии. Это не всегда получается. Так, для меня разочарованием оказалась книга Паскаля Буайе, известного представителя когнитивной антропологии, религиоведа, «И человек сотворил богов»⁴. Помимо многих поверхностных и слабо аргументированных суждений, она построена на идее, согласно которой, религия, религиозные понятия – это представления о сверхмогущественных, сверхъестественных существах, богах и

духах. Довольно тривиально для французского антрополога, если вспомнить, что за столетие до этого Э. Дюркгейм отвергал мысль, что представления о богах и «сверхъестественном» являются основой религиозного сознания. Безусловно, когнитивистика предложила очень перспективные гипотезы для дальнейшего изучения религии. Но пока эмпирически достоверных результатов очень мало, а предлагаемые теоретические подходы либо не отличаются выраженной новизной, либо тяготеют к тенденциозным идеям о религии как «вирусе мозга», эволюционно полезном побочном ментальном продукте и т.д.

Описанная выше ситуация типична для отношений религиоведения и ряда других наук. В результате развития смежных с религиоведением наук возникает новое пространство взаимодействия, которое образовано пересечением предметных полей научных дисциплин. Исследования в этом пространстве способны обеспечить дальнейшее развитие религиоведения. Междисциплинарность – сущностная черта науки о религии, в этом её сильная и одновременно слабая сторона.

Одна из трудностей, которую приходится преодолевать до сих пор при изучении религии разными науками, и которая при этом объединяет их, – это необходимость следовать правильному определению религии. Но сложность заключается в том, что многие наши предшественники и современники – исследователи религии пытались установить универсальную сущность религии и вывести общую дефиницию, а затем охватывать этим пониманием всё многообразие бытия религии. Получалось так, что одни настаивали на том, что религия – в сущности своей психический феномен, другие на том, что она – социальное явление и т.д. В таком подходе заключается методологическая ошибка, суть которой заключается в представлении о религии как единичном, одномерном явлении.

⁴ Boyer P. Et l'homme créa les dieux. Comment expliquer la religion. Paris, 2001. 361 p.; в русском переводе – Объясняя религию: Природа религиозного мышления. М., 2017.

В реальности религия никогда не была ни на исторических этапах существования, ни в этнокультурных вариантах бытия однородным явлением. Характерно то, как сильно различаются в разных языках те смыслы, которые культуры вкладывали в слова, обозначавшие то, что мы сейчас обозначаем понятием *религия*. Смыслы славянского вера, санскритского *дхарма*, арабского дин, китайского *цзунцзяо* почти не совпадают не только между собой, но и со смыслом латинского слова *религия*. За очевидными различиями смыслов, стоят различия этнокультурных миров, моделей мышления, социально-исторических реалий, без учёта которых любая попытка выразить общее представление о религии будет вступать в конфликт с конкретными данными. Калейдоскоп смыслов, которые этнокультурные традиции вкладывали в то, что лишь с долей условности согласуется с современными понятиями о религии, указывает, что у религии нет одного источника происхождения и она не сводится к единой для всех идее или обязательной системе действий.

Поэтому в этнокультурных традициях представления о том, к чему мы могли бы приложить наше понятие религии, в одном случае тяготеют к воззрению о мироустроительном законе, в других склоняются к богопочитанию или культу предков, к должному состоянию души или следованию ритуальной норме и т.д. Общего семантического поля почти нет. Такая языковая ситуация соответствовала различиям культур. Религии как всегда равного себе явления в реальности не существует. Как бы ни хотели исследователи вычленить религию в её однородности, она в таком виде на всем протяжении истории не существовала и сейчас не существует. Реальность, которую мы стараемся подвести под понятие религии, предельно вариативна. Но из этого отнюдь не следует пессимистический вывод о невозможности адекватного определения религии. Опыт показывает, что религию нельзя адекватно и полно раскрыть в одном претендующем на универсальность определении. У ре-

лигии нет не только одного источника происхождения и единой формы выражения, у неё нет универсальной сущности или функции, а, следовательно, нет универсального определения.

Многообразие религии адекватно реконструируется только посредством системы дефиниций. При этом каждая из возможных дефиниций религии должна быть операционализирована применительно к конкретному контексту употребления, к культурно-историческим реалиям и задачам исследования. При этом важно помнить, что любая дефиниция имеет свои границы. Даже наиболее содержательные определения религии при всех их достоинствах являются искусственными конструктами, отражающими субъективный мир их создателей, этнокультурную среду и особенности конкретных религиозных данных, обобщенных в дефиниции.

Разумеется, система дефиниций не исключает наличия некоего исходного для понимания религии определения. Наше сознание нуждается в обобщающем понимании религии. К тому же мы знаем, что при всех исторических и этнокультурных различиях есть формы бытия религии, которые обнаруживают базовое сходство. Оно заключается не столько в сходстве конкретных идей или действий, сколько в общей направленности, интенциональности сознания – главный вектор религиозного сознания обращён на инобытие. Сознание не просто отражает реальность, но в своих восприятиях преобразует её. Существующее на обыденном уровне восприятие мира религиозное сознание достраивает образами иной, не всегда явной для физических органов чувств реальности, которая наделяется своими собственными основаниями бытия, могуществом и властью над человеком и миром. Религиозная ментальность производна от способности сознания создавать такой горизонт восприятия мира, в системе координат которого человек обретает особое измерение бытия – сверхбытие. Поэтому для меня обобщённым определением религии является следующее:

религия – духовная формация, особый тип отношения человека к миру и самому себе, обусловленный представлениями об инобытии как доминирующей по отношению к обыденному существованию реальности.

Возвращаясь к основной теме религиоведения как строгой науки, возникает необходимость обратиться к вопросу о том, какие ещё современные научные тенденции определяют нынешнее развитие религиоведения. Каждый исследователь, профессионально занимающийся изучением религии, ответил бы на этот вопрос по-своему. Но, на мой взгляд, есть некоторые общие для всех данности. К их числу относится фундаментальный пересмотр представлений об эволюции человека. Очевидно, что последние лет 15 мир переживает научную революцию в знаниях о человеке и человечестве и, соответственно, о его культуре и религии. Ведь ещё сравнительно недавно, в конце 1990-ых гг., не подвергалось сомнению мнение, что культура и религия как её часть – результат деятельности *Homo sapiens*; *Homo sapiens* – венец эволюции, он совершенно уникален и является создателем культуры.

Неандертальцам позволялось быть одной из низших ступеней эволюции и носителями лишь достаточно грубой материальной культуры, орудий труда мустьерского типа. На уровне духовной культуры к неандертальцам, якобы не обладавшим речью, относили примитивные формы поведения с доминированием физиологических потребностей. Единственным исключением были погребальные практики неандертальцев, в которых усматривали проблески идей и эмоций, напоминающих религиозные. Следовательно, религия возникает за пределами культуры неандертальцев и эпохи мустье в верхнем палеолите, времени появления *Homo sapiens*, около 40 тыс. лет назад.

С начала 2000-х годов вся эта прочно сложившаяся за более чем столетие конструкция знаний стала быстро расшатываться новыми открытиями, а затем радикально перестраиваться. Со

времени расшифровки геномов *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis* произошёл настоявший прорыв в понимании того, что это – две сосуществовавшие длительное время линии эволюции, пересекавшиеся и обладавшие общим потомством. Были передатированы с применением новых технологий и пересмыслены археологические данные по многим неандертальским стоянкам и артефактам, которые прежде оставались в тени, а также были сделаны новые замечательные открытия, например, на неандертальских памятниках в Германии. Археологи и антропологи признали, что неандертальцы – другое человечество, достигшее значительных высот в материальной и духовной культуре, которое на последних этапах ни в чем не уступало сапиенсам. Сейчас начинает входить в практику определять их как *Homo sapiens neanderthalensis*, то есть наделять эту популяцию основными признаками разумных существ.

Наличие религии – один из важных признаков сапиентизации. Зачатки религии возникли и развились в неандертальской и кроманьонской ветвях эволюции независимо друг от друга (что, конечно, не исключает возможности их локального взаимодействия). Зарождение религии в двух независимо возникших ветвях эволюции человечества доказывает, что она выступает необходимым этапом антропогенеза и закономерно формируется на стадии достижения определённого уровня духовного развития. Примечательно, что в обоих случаях наблюдается базовое сходство ритуального поведения, за которым стоит общность отношения к жизни и смерти, несущего в зародыше представление о посмертном существовании, загробном мире, инобытии.

Сформулированные выше суждения по поводу генезиса религии были прописаны мною в 2007 г., когда ещё только начинались новые тектонические сдвиги в понимании генезиса человека, культуры и религии, в статье для энциклопедии [Энциклопедия религий, 2008:1069–1073]. С тех пор новые данные всё более

укрепляли и уточняли эту точку зрения. Приведу один отчасти курьёзный случай. На одну из московских конференций около 7 лет назад я готовил доклад, в котором речь шла о религии неандертальцев. Построению внутренне непротиворечивой конструкции сильно мешала позиция физических антропологов, согласно которой, неандертальцы практически не владели речью. Но как может существовать религия без вербального оформления и содержания? В определённых вариантах, конечно, может, но тут дело касается не отдельных разновидностей, а общего состояния.

Для того, чтобы выйти из этого крайне неудобного положения, мне пришлось привлечь замечательную фразу Р. Маретта, религиоведа второй половины XIX в., знатока архаических религий, что на ранних стадиях религия не выговаривается, а вытанцовывается. Вроде бы неплохо на словах получалось, но, откровенно говоря, не очень убедительно. Мне было теоретически ясно, что если была религия, тогда и речь должна была быть. Современные археологические данные подтверждали наличие у неандертальцев развитых религиозных практик, причём не только погребальных, а антропология не допускала наличия сколько-нибудь развитой речи.

Но с выкладками физической антропологии спорить сложно. Нужно было представить тип религии, имеющей развитый акциональный уровень (практики), но фактически не имеющей вербального сопровождения, а значит, не имеющей рационализации практик, не обладающей идейным сопровождением культовых действий. Картина получалась довольно странная с религиоведческой точки зрения. Потом, как иногда бывает, что-то в ходе конференции пошло не так и мне не пришлось выступать с полным текстом доклада, поэтому часть про молчаливых религиозных неандертальцев я с лёгким сердцем снял и в отпущенный регламент вписался. Недавние открытия позволили антропологам доказать, что у неандертальцев речь была: в результате расшифровки генома выявлено, что у

них были развиты те зоны мозга, которые отвечают за речь; изучение черепов тоже выявило следы крепления мышц, которые отвечали за движения языка и членораздельные звуки. Всё встало в моих представлениях о религии неандертальцев на свои места теоретически и очень укрепилось эмпирически – новыми данными физической антропологии. Теперь уже не приходится выбирать между словом и танцем – перед нами из глубины тысячелетий возник образ разговорчивого пританцовывающего неандертальца. Откуда, кстати, мы догадываемся о танцах? Сейчас достоверно известно, что неандертальцы пользовались музыкальными инструментами типа флейты и ударных.

Успехи российских археологов, а также их зарубежных коллег – биологов, физических антропологов, расшифровка геномов сапиенсов и неандертальцев позволили в 2009–2010 гг. вывести ещё один тип человека – денисовского человека (*Homo sapiens denisovan*), фрагменты костей которого были найдены в Денисовой пещере на Алтае. И этот таксон, отдельная популяция человечества, судя по археологической коллекции из Денисовой пещеры, тоже обладал высоким уровнем символической деятельности и был способен и на речь, и на изготовление чрезвычайно сложных орудий труда, украшений. Доказано, что ранние популяции в местах соприкосновения гибридизировались, обменивались генами и, очевидно, культурными навыками. Так что сейчас научные открытия ставят нас перед очень сложной проблемой: оказывается, человечество и культура не возникают из одного источника – *Homo sapiens*, а таких источников несколько.

Каким образом они формировались и развивались? Одна из проблем, которая решается сейчас физической антропологией и археологией – проблема полицентрической или моноцентрической концепции происхождения человечества. Она проецируется в проблему происхождения культуры, религии. Сейчас уже никто не спорит, что самый ранний период антропогенеза связан с Африкой.

Африканские *Homo erectus*'ы начали миграции более миллиона лет назад. Затем в Африке сформировалось ещё несколько перспективных популяций, включая *Homo sapiens*. У культуры, религий есть общая прародина? Это Африка, откуда вышли все популяции со схожими протокультурными, проторелигиозными формами или, по крайней мере, с общими предпосылками верований и практик? Или культура, религии возникают в процессе развития видов Номо в локальных популяциях, обитавших на разных территориях? Тогда прародина религии – весь заселённый в эпоху среднего палеолита мир? В итоге встаёт большая проблема: где географическая истоки религии?

Проблема не только в том, где, но и когда возникла религия. Раньше считалось, что религия – продукт верхнего палеолита, это примерно 40 тыс. лет. Но это не так. Мы уже упоминали о неандертальцах, их развитой символической деятельности. Теперь мы хорошо знаем, что создателями религии были не одни только кроманьонцы, но, безусловно, и неандертальцы, и, скорее всего, денисовцы. Потому что уровень их символической деятельности предполагает, что они шли тем же самым путём. Было бы странно ожидать, что, обладая сходными формами символической деятельности, они не обладали верованиями и ритуальными практиками. Тогда получается, что религия – это естественный результат развития Номо. Религия не вечна, но едина с веком человечества. Религия является естественным следствием эволюции разных видов Номо. Разные виды Номо создают сходным образом то, что мы называем религией.

Фраза о том, что религия не вечна, а совечна человечеству, звучит философски. В конкретно научном изложении ответ на вопрос о том, когда возникла религия, определяет границы ранних религиозных практик временем от 100 тыс. лет и древнее, эпохой среднего палеолита. Прежняя датировка с возрастом около 40 тыс. лет опиралась, прежде всего, на изучение древних захоронений, которые проводились довольно давно

с использованием наличествовавшего тогда научного инструментария. Новые открытия и новые методы исследования позволили установить, что:

- захоронения в пещерах Кафзех, Табун, Схул (Израиль) датируются временем от 120 до 100 тыс. лет назад [Pettitt, 2002:1; Première Humanité, 2008:71–72];
- захоронения в пещере Шанидар (Ирак) имеют возраст от 100 до 46 тыс. лет назад [Pomeroy et al., 2017:102–104];
- самым древним захоронением в Европе, возможно, является захоронение в пещере Регурду (Франция), которому около 80 тыс. лет [Première Humanité, 2008:64].

Все эти и многие другие захоронения относятся к периоду среднего палеолита. Новые датировки наскальных изображений, полученные на основе естественнонаучных методик последнего поколения (уран-ториевый метод), хорошо согласуются с археологическими данными о древнейших захоронениях. В 2012–2018 гг. в журналах «Nature» и «Science» были опубликованы статьи, радикально изменившие прежние представления о времени создания пещерных изображений. О датировках наскальных изображений и связанных с ними ранних формах религии мною опубликована в журнале «Религиоведение» №4 за 2018 г. статья, в ней подробно излагаются новейшие данные [Забияко, 2018]. Замечу, что в указанных выше публикациях представлены осторожные, достоверно обоснованные эмпирические данные. Но в научном знании сейчас имеются не единичные археологические данные, интерпретации которых удревляют генезис символической деятельности и, возможно, проторелигиозных практик далеко за пределы 100 000 – к 300 000 тыс. лет и даже далее. Таким образом, современная наука резко меняет прежние представления о нижних границах возникновения религии.

Наконец, следует ли от теоретических, академических сторон религиоведения перейти к другим, прикладным аспектам науки о религии? Но религиоведение – наука, которая включает в себе, с одной стороны, уровень знаний фундаменталь-

ного типа, с другой стороны, уровень прикладных знаний. Знания второго типа включены в практические задачи, которые актуальны для человека, общества, государства в их деятельности. Знания из области прикладного религиоведения очень важны. Нет необходимости это доказывать, достаточно посмотреть хотя бы материалы СМИ за один день – в них обязательно появятся новости о проявлениях религиозного экстремизма, конфликтах на религиозной почве и т.д. Религия теснейшим образом вплетена в окружающую реальность социальной, политической, этнической жизни. Поэтому одна из важнейших проблем религиоведения как строгой науки – проблема экспертизы. Общество ожидает от религиоведов экспертной оценки явлений, принадлежащих к религиозной сфере, особенно когда эти явления принимают асоциальный характер или выпадают из норм, становясь девиацией.

Возьмём одну из составляющих экспертной деятельности религиоведов – экспертные заключения по обращениям правоохранительных органов. Таких обращений, к сожалению, в нашей практике много. В таком ракурсе ситуация, в которой религиоведение до сих пор не осознаёт себя точной и строгой наукой, чревата большими проблемами. Заключение религиоведческой экспертизы – это юридический документ, на основании экспертного заключения судья выносит оправдательный либо обвинительный вердикт, который самым непосредственным образом влияет на судьбы и отдельных людей, и конфессий. Поэтому эксперт, экспертное сообщество несут огромную ответственность, их задача – выдать научно обоснованное, строго аргументированное и объективное заключение.

Процедура исследования полученных на экспертизу материалов, методы интерпретации эмпирических данных, выводы должны строиться в экспертном сообществе на единой основе. Так принято в науке, правильные выводы из наблюдения о причинах движения яблока вниз не могут отличаться в зависимости от лич-

ности наблюдателя. В религиоведческой экспертизе дело может выглядеть иначе. Приведу вновь пример из собственного опыта. В 2004 г. мне пришлось составлять экспертное заключение по Церкви сайентологии. Глава одной из районных администраций, будучи членом Церкви сайентологии, потратил часть районного бюджета на непредусмотренные цели – обучение сотрудников администрации в ООО «Перформия», которая продвигала в жизнь административные технологии Рона Хаббарда, основателя сайентологии. Прокуратура возбудила уголовное дело, ко мне обратились за экспертным заключением. Мы нашли цепь взаимосвязанных документов, вскрывающих, что ООО «Перформия» является структурной частью Церкви саентологии. А поскольку саентология является религией, деньги госбюджета были потрачены на деятельность религиозной организации, что противоречит Конституции и другим нормативным документам. На основании этого заключения гражданин был арестован и осуждён и, получив реальный срок, отправлен в колонию.

Недавно религиовед Л.С. Астахова составила заключение религиоведческой экспертизы, в котором доказывала, что саентология не является религией, поэтому религиозная организация – «Саентологическая церковь Москвы» не является религиозной организацией. На основании этого заключения Московский городской суд 22 ноября 2015 г. вынес решение о ликвидации этой организации со всеми вытекающими правовыми, финансовыми и прочими следствиями. С одной стороны, поскольку у нас не прецедентное право, как в Англии, допустимо, что суды разных территорий выносят противоречащие друг другу решения. С другой стороны, совершенно не допустимо, когда в двух религиоведческих заключениях предложены прямо противоположные трактовки одного и того же явления.

Тут одно из двух – либо саентология религия, либо она не религия. Яблоко падает вниз, а не вверх, и его траектория не зависит от соперничества близкого ари-

анству Исаака Ньютона и сына англиканского священника Роберта Гука за место в Королевском обществе. Истина одна. Ясно, что один из экспертов допустил грубую ошибку, проявил низкий уровень профессиональной квалификации или недопустимый субъективизм. Полнее можно почитать о дискуссии по этому поводу в журнале «Религиоведение» № 1 за 2016 г. Почему возможны такие ситуации? Отчасти потому, что в некоторой части религиоведческого сообщества не принято считать религиоведение строгой наукой, даже если речь идёт об экспертном религиоведении. Поэтому вместо научно обоснованного экспертного заключения появляется вольное сочинение на заданную тему.

Пока религиоведение не приобретёт характер прочно структурированного, эмпирически фундированного и теоретически согласованного в своих основаниях знания, оснащённого надёжными методами и конвенционально принятой в качестве обязательной терминологией, ему сложно обеспечивать эффективную деятельность там, где требуются однозначные экспертные выводы. Экспертное религиоведческое сообщество должно уметь чётко и согласованно операционализировать определения религии так, чтобы в процессе правовых экспертиз не возникало кардинально противоположных выводов. Когда на один и тот же вопрос даются противоположные ответы, это говорит о том, что что-то не в порядке либо с экспертами, либо с наукой.

Следует признать, что не только юридическое, но и в целом прикладное религиоведение у нас пока гораздо слабее, чем теоретическое религиоведение. Оно слабо представлено в системе религиоведческого образования, в диссертационных исследованиях, публикациях, научных коммуникациях. Область прикладного религиоведения необходимо:

- чётко отструктурировать и спроектировать как один из специализированных разделов религиоведения;

- сделать обязательной в религиоведческом образовании;
- обеспечить специалистами высокой квалификации и т.д.;
- сделать то, что обычно делается в процессе внутренней дифференциации отрасли научного знания.

Но пока религиоведение не самоопределилось в целом, пока оно сохраняет философскую направленность и синкретически сосуществует с теологией, успешное развитие науки о религии затруднено. В связи с обозначенной выше темой заслуживает внимания вопрос об этноправе, элементах обычая, который поддержан авторитетом религии и авторитетных людей в этнических сообществах. Например, девочку выдают замуж в возрасте, не подходящем ещё для замужества, но эта практика реально существует в отдельных исламских регионах. Или, например, практика многожёнства. Местами это воспринимается как совершенно естественное следование установленным обычаям, чему есть этическое, экономическое и религиозное обоснование:

- вот женщина, ей сложно;
- её надо поскорее отдать замуж, ей будет легче;
- она будет при муже и искушений не будет.

Необходимо продуманное решение проблем согласования этноправа и позитивного права, основанное на профессиональном научном решении этой проблемы совместно с этнологами, антропологами, юристами, возможно даже с местным «экспертным сообществом» в лице старейшин и авторитетных людей этого сообщества. Над этим нужно работать. Над этим должна работать наука. Нельзя забывать, что интенсификация миграционных процессов добавляет в решение этих задач дополнительные «известные» и «неизвестные». Они активно влияют на привычное правовое пространство, постепенно вводя в него элементы этноправовых и этнорелигиозных реалий⁵. Кстати, сейчас точно те

⁵ Пинюгина Е.В. Интеграция мусульман в современное европейское государство (на примере Великобритании и ФРГ): дис. : канд. полит. наук. М., 2010. 267 с.; Пинюгина Е.В. Проблема иммиграции и кон-

же проблемы встают перед западными сообществами: когда перед ними встаёт вопрос, как решать конфликты, нужен какой-то хорошо проработанный понятийный аппарат, методики исследований.

Подводя итог, следует ещё раз подчеркнуть, что прикладное религиоведение

теснейшим образом связывает науку о религии с реальной жизнью, с актуальными проблемами. Именно прикладные аспекты религиоведения прежде всего востребованы обществом. Развивая их, религиоведение прогрессирует не только как строгая, но и как нужная наука.

Список литературы:

Забияко А.П. Религиоведение в России // Религиоведение. Энциклопед. словарь. Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академ. проект, 2006. – С. 859–861

Забияко А.П. Генезис религии: возникновение зоолатрии по материалам наскальных изображений // Религиоведение. – 2018. – № 4. – С. 5–25.

История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования. Отв. ред. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова. – СПбГУ: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – 520 с.

Пинюгина Е.В. Интеграция мусульман в современное европейское государство (на примере Великобритании и ФРГ). Дис.: к.полит.н. : 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии. МГИМО. М., 2010. 267 с.

Пинюгина Е.В. Проблема иммиграции и концепция “ведущей культуры” в немецкой политике / Россия и мир: анатомия современных процессов. М.: Международные отношения, 2014. С. 246–273.

Boyer Pascal. Et l’homme créa les dieux. Comment expliquer la religion. Paris, 2001. – 361 p.

Pettitt P. B., 2002. The Neanderthal dead: exploring mortuary variability in Middle Palaeolithic // Eurasia Before Farming. Vol. 1 (4). P. 1–19.

Pomeroy, Emma, Lahr, Marta Mirazón, Crivellaro, Federica, Farr, Lucy, Reynolds, Tim, Hunt, Chris O., Barker, Graeme. Newly discovered Neanderthal remains from Shanidar Cave, Iraq, Kurdistan, and their attribution to Shanidar 5 // Journal of Human Evolution 111 (2017), p. 102–118.

Première Humanité. Gestes funéraires des Néandertaliens. – Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2008. – 143 p.

Об авторе:

Забияко Андрей Павлович – д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой религиоведения и истории, заведующий лабораторией археологии и антропологии Амурского государственного университета, профессор департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, главный редактор журнала «Религиоведение». 675027, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Студенческая, 20. Научная специализация: религиоведение, история религии, антропология религии. E-mail: sciencia@yandex.ru

цепция «ведущей культуры» в немецкой политике // Россия и мир: анатомия современных процессов. М.: Международные отношения, 2014. С. 246–273.

STUDY OF RELIGION AS A STRICT SCIENCE

Andrey P. Zabiako

Laboratory of Archeology and Anthropology of Amur State University. 675027, Amur Region, Blagoveshchensk, st. Student, 20.

Abstracts. *The present article by Andrey Pavlovich Zabiako, the Doctor of Philosophy, professor, the head of the department of religious studies and history, the head of the laboratory of archeology and anthropology of Amur state university, professor of department of philosophy and religious studies of School of arts and the humanities of Far Eastern Federal University, the editor-in-chief of the "Religious studies", brings up and discusses the main questions and problems of modern religious studies as a science. According to him, religious studies arose already more than a hundred years ago, but the process of its isolation from other types of scientific and unscientific knowledge is still incomplete; therefore there is a need of an accurate boundary demarcation of religious studies as a science. First of all these lines should be drawn on the fields of contact of religious studies with philosophy and theology. Such a boundary demarcation is a guarantee of successful interaction between different types of knowledge. The development of religious studies is caused first of all by the progress of humanitarian and natural sciences. Since the beginning of the 21st century the latest discoveries in the field of anthropogenesis and culture genesis has had a particular importance for the science of religion. Huge successes of archeology and anthropology led actually to scientific revolution in understanding of the problems of origin and evolution of mankind, its culture, religion. Religious studies is a science which comprises, on the one hand, the level of knowledge of fundamental type, on the other hand, the level of applied knowledge. Religion is closely twisted in surrounding reality of social, political, ethnic life. Therefore examination problem is one of the most important issues of religious studies as a strict science. The procedure for the materials' scientific expertise, methods of interpretation of empirical data, and outputs should be based on a uniform, strictly scientific basis within the expert community. Developing fundamental and applied components, the religious studies approves itself not only as a strict, but also as a necessary science.*

Key words: *Study of religion, history, archeology, anthropology, theoretical (fundamental) study of religion, applied study of religion, religious expertise*

References:

Zabiako A.P. Religiovedenie v Rossii [Religious Studies in Russia]. *Religiovedenie. Entsikloped. Slovar'* [Religious Studies. Entsikloped.dictionary] / Ed. A.P. Zabiako A.N. Krasnikova, E.S. Elbakyan. Moscow, Academic project, 2006. pp. 859-861 (In Russian).

Zabiako A.P. Genezis religii: vozniknovenie zoolatrii po materialam naskal'nykh izobrazhenii [Genesis of Religion: Emergence of Zoolatia from Materials of Rock Images]. *Religiovedenie - Religious studies*, 2018, no. 4, pp. 5-25 (In Russian).

Istoriia religiovedeniia i intellektual'naia istoriia Rossii XIX – pervoi poloviny XX veka. Arkhivnye materialy i issledovaniia [History of religious studies and intellectual history of Russia of the 19th - the first half of the 20th century] / Ed. M.M. Shakhnovich, E.A. Teryukova. Saint-Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2018. 520 p. (In Russian).

Piniugina E.V. *Integratsiia musul'man v sovremennoe evropeiskoe gosudarstvo (na primere Velikobritanii i FRG): dis. ... kand. polit. nauk* [Integration of Muslims into the modern European state (on the example of Great Britain and Germany): dis. ... kand. polit. sci. Moscow, 2010. 267 p. (In Russian).

Piniugina E.V. Problema immigratsii i kontseptsiiia «vedushchei kul'tury» v nemetskoj politike [The problem of immigration and the concept of «leading culture» in German politics]. *Rossii i mir: anatomiia sovremennykh protsessov* [Russia and the world: the anatomy of modern processes.]. Moscow, International Relations, 2014. pp. 246-273 (In Russian).

Boyer P. *Et l'homme créa les dieux. Comment expliquer la religion*. Paris, Robert Laffont, 2001. 361 p. (In French).

Pettitt P.B. The Neanderthal dead: exploring mortuary variability in Middle Palaeolithic. *Eurasia Before Farming*, 2002, Vol. 1 (4), pp. 1-19.

Pomeroy, Emma, Lahr, Marta Mirazón, Crivellaro, Federica, Farr, Lucy, Reynolds, Tim, Hunt, Chris O., Barker, Graeme. Newly discovered Neanderthal remains from Shanidar Cave, Iraqi, Kurdistan, and their attribution to Shanidar 5. *Journal of Human Evolution*, 2017, no. 111, pp. 102-118.

Première Humanité. *Gestes funéraires des Néandertaliens*. Paris, Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2008. 143 p. (In French).

About the Author:

Zabiyako Andrei Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Religious Studies and History, Head of the Laboratory of Archeology and Anthropology of Amur State University, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies of the School of Arts and Humanities of the Far Eastern Federal University, Editor-in-Chief of the journal "Religious Studies". 675027, Amur Region, Blagoveshchensk, st. Student, 20. Scientific specialization: religious studies, history of religion, anthropology of religion. E-mail: sciencia@yandex.ru.